

УДК 930.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1825-1880-х гг. В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX-XX вв.

Коптелов А.О.

Екатеринбургский Гуманитарный университет

Исследование посвящено немецкой историографии политической полиции Российской империи во II-III четвертях XIX века, которая была представлена Третьим отделением и Корпусом жандармов. Выявлено принципиальное отличие «немецкой» традиции от подхода англоязычных авторов в восприятии органов политического сыска царской России. В статье также отражены перспективы сближения «американского» и «немецкого» подходов в изучении сущности и характера деятельности органов политической полиции самодержавной России в XIX-начале XX века.

Ключевые слова: Российская империя, политическая полиция, Третье отделение С.Е.И.В.К., Корпус жандармов, политический сыск, немецкая историография самодержавия

Представления немецких исследователей основаны на восприятии Российской империи XIX столетия как полицейско-государственного образования, которое проникало во все сферы общественной жизни. В качестве способов управления использовались: регламентация, дача указаний, поощрение, оказание содействия. При этом разделение властей отсутствовало, а глава государства единолично осуществлял государственно-властные полномочия, объединяя в себе все три ветви власти [1].

Соответственно, важнейшую роль при этом играла имперская полицейская система, как система административного управления, которая выступала в качестве главного государственного инструмента обеспечения «всеобщего блага» [2].

Поскольку со временем полицейское государство из блага для общества превращались в его бич, у подданных все более возрастало желание стать полноправными гражданами и поставить формальные рамки полномочиям верховной власти. Распространение получила идея правового государства (Rechtsstaat), возникло представление о том, что в противоположность абсолютистскому государству власть государства должна всеобъемлюще определяться законами, чтобы защищать граждан (подданных) от произвола [3].

При этом, в отличие от англоязычных исследователей проблемы, выдающийся немецкий полицейист Роберт фон Мольте [4] указывает, что правовое государство может нормально функционировать только при наличии эффективно действующего полицейского аппарата. Он подчеркивает, что полицейская деятельность в таком государстве подчинена закону, осуществляется специальными государственными органами и заключается в обеспечении безопасности отдельно человека и всего общества.

Согласно Р. Мольте, задача правового государства «состоит в том, чтобы, посредством разумной организации общей силы, дать возможность, как отдельному члену, так и фактически существующим второстепенным жизненным кружкам (*объединениям граждан – Авт.*) развивать все свои силы и преследовать свои разумные цели, и чтобы помогать и защищать их в этом» [5, с. 2].

То есть, по убеждению Р. Мольте, правовое государство обеспечивает возможность каждому отдельному лицу достигать поставленных им разумных целей посредством установленного государством порядка и в его рамках. Защита от несправедливости осуществляется системой органов юстиции, а обеспечение помощи и безопасности находится в компетенции полицейских органов. И только государство, делает вывод Р. Мольте, достигшее таких целей, может называться правовым.

Выдающегося ученого-полицейиста поддерживает философ Г. Гегель [6], который также считает, что для охраны прав и собственности граждан и безопасности общества необходимы специальные учреждения. Судебных органов для этого явно недостаточно, поскольку в повседневной жизни часто требуется оперативное устранение опасностей со стороны посторонних лиц для обеспечения физической безопасности добропорядочных граждан и сохранности их имущества.

Немецкие исследователи воспринимают как неизбежность переход от полицейского государства к либеральному государству конституционно типа. Однако они исходят из того, что процесс развития должен проходить с опорой на традиции, основываясь на преемственности в социальной и культурной жизни, приверженности к существующим и устоявшимся социальным системам и нормам, признании ценности идеалов прошлого, неприятию революций и радикальных реформ.

Таким образом, немецкая традиция рассматривает проблему в рамках представления об эволюционном и ненасильственном переходе от полицейского государства к правовому (при сохранении элементов первого и при гражданском обществе), и считают, что Россия идет по такому же пути общественно-политического развития. Данный подход отличается от англоязычной традиции рассмотрения России указанного и более поздних периодов как авторитарной диктатуры.

Проблема бюрократизации общественно-политической сферы и чрезмерного воздействия полицейских органов на жизнь общества стала привлекать внимание немецких исследователей еще в конце XVIII столетия.

Уже И. Кант [7] выступает против бюрократических порядков, считает патерналистское правление деспотическим, осуждает вмешательство государства в личную жизнь людей. Он утверждает, что государственное управление должно быть не отеческим, а отечественным, объединяющим всех свободных и правоспособных граждан.

Против чрезмерной регламентации частной жизни и необоснованного вмешательства государства в образ жизни своих подданных выступает и Вильгельм Гумбольдт. Он настаивает на том, что государство должно воздерживаться от излишней заботы о «положительном благе» граждан и не должно выходить за пределы обеспечения их безопасности внутри страны и за ее пределами. Гумбольдт отмечает, что в противном случае «настоящее управление государственными делами чрезмерно усложняется, так что для устранения путаницы требуются невероятные массы самых подробных постановлений и множество людей, из которых большинство имеет дело не с самыми предметами, а только с их символами и формулами...» [8].

В. Гумбольдт указывает, что властные институты и учреждения в полицейском государстве влекут за собой различные неудобства, но главное, они постепенно начинают ограничивать свободу людей, что ослабляет силы всего общества и вредит развитию отдельной личности [9].

Непосредственно о высокопоставленных представителях политической полиции Российской империи указанного периода пишет в 1833-1862 гг. баварский посол в России Оттон де Брэ [10] в своих мемуарах, опубликованных в одном из периодических изданий России в начале XX века. Он дает сравнительную характеристику Шефов Корпуса жандармов – А.Х. Бенкендорфа и А.Ф. Орлова. Немецкий дипломат сравнивает руководителей политической полиции путем выявления их главных достоинств и недостатков, определяет степень близости к царю каждого из них, которая позволяет им, так или иначе, влиять на российского самодержца и проводимую им политику.

Коснулся О. де Брэ в своих воспоминаниях и личности начальника Третьего отделения Л.В. Дубельта. «Орлов по свойственной ему лени и нелюбви к труду, – пишет де Брэ, – более чем кто-либо нуждался в помощнике, который отличается ловкостью, деятельностью и знанием дела» [10]. Именно Дубельт идеально отвечает всем этим требованиям.

В своем путевом дневнике Эдуард Кольбе [11] указывает, что, давая полное представление о жизни в России, следует обращать внимание не только на частную и общественную жизнь в столице и провинциях России, но, подчеркивает автор, и на полицейско-милитаристский характер российского государства с его мощным репрессивным аппаратом, множеством тюрем и заключенных, содержащихся в них.

Упоминает о российской тайной полиции в своих мемуарах и неизвестный «железный канцлер» Отто фон Бисмарк [12, с. 159-166], служивший при Петербургском дворе в каче-

стве прусского посла на рубеже 1850-1860-х гг. В своих воспоминаниях Бисмарк характеризует столичную знать через призму их отношения к немецким государствам. Особо он выделяет А.Ф. Орлова, руководителя Третьего отделения и Шефа жандармов, который, по словам Бисмарка, выделяется среди других русских аристократов «своим характером, изысканной учтивостью и безупречным отношением к нам». Еще об одном из руководителей жандармского ведомства – П.А. Шувалове – Бисмарк пишет следующее: «Самая светлая голова из тех, с кем мне приходилось там встречаться, человек, которому недоставало только трудолюбия, чтобы играть руководящую роль» [13, с. 308].

Политическую полицию Российской империи затрагиваемого периода упоминает в своей работе о революционном движении России еще один немецкий автор – А. Тун [14]. Он с сочувствием описывает борьбу революционеров и их предшественников с Третьим отделением и Корпусом жандармов. Политическую полицию Российской империи Тун характеризует весьма негативно, широко используя такие эпитеты как «шпионы III-го отделения», «полицейский произвол», «административная расправа» и др. Он недвусмысленно указывал, что общественное движение в России указанного периода было представлено «горсткой» отчаянных, смелых и небезразличных к судьбе своей страны «героев», которые противостояли «самодержавному режиму» в лице его органов политического сыска.

В годы Первой Мировой войны публицист Пауль Рорбах [15] на страницах немецкой печати указывает, что Российская империя представляет собой искусственное политическое образование, которое рано или поздно должно распасться на свои естественно исторические и этнические составные части насильственным путем или посредством внутренних изменений. Он характеризует царскую Россию как деспотическую «тюрьму народов» и дает откровенно негативную оценку великороссов, на которых, по его мнению, держится «прогнивший» самодержавный государственный строй, основанный на реакционных политических институтах. Рорбах отрицательно относится к любым попыткам «законсервировать» существующий в России общественный порядок, в том числе посредством репрессий со стороны органов политического сыска. Немецкий исследователь считает такие попытки бесперспективными и лишь подтверждающими реакционность самодержавного режима.

Немецкий философ права Густав Радбрух [16] придерживается позиции, согласно которой основную роль в вопросе о содержании права играет принцип целесообразности, характерный для полицейского государства. Безраздельное господство принципа целесообразности, на первый взгляд, предполагает полное отстранение от правосудия принципов справедливости и правовой стабильности. Но, как отмечает Радбрух, принцип целесообразности по причине формального правового равенства неизбежно может потребовать более широкого применения, выходящего

за рамки его целесообразности. Поэтому, даже в полицейском государстве существуют правовые предписания, действие которых продиктовано справедливостью и правовой стабильностью, а не исключительно целесообразностью. Так, принцип правовой стабильности положен в основу действия норм целевого назначения, в том числе и полицейских предписаний, которыми обеспечиваются безопасность, правопорядок и мир.

Справедливость же, по Г. Радбруху, предполагает формальное юридическое равенство, требующее всеобщности правовых норм. Но на практике равенство – это всего лишь абстракция неравенства, рассматриваемого с определенной точки зрения, в полицейском государстве с позиции государственного интереса и позитивного закона.

Впервые полное исследование политической полиции на европейском континенте, начиная с Наполеона во Франции и заканчивая Гитлером в Германии, проведено Эрнстом Брамstedтом [17] в его книге, посвященной диктатуре как таковой, и органам политического сыска как государственным институтам, ее осуществляющей. При этом автор признает, что защита национальных интересов посредством политической полиции является необходимым средством государства, поскольку позволяет обеспечить стабильность и жизнеспособность существующей политической формации и способствует формированию и развитию политической идентичности общества.

В своем исследовании тоталитаризма Х. Арендт [18, с. 545-568] также затронула деятельность тайной полиции, включая политическую полицию Российской империи затрагиваемого периода. Она пишет, что «всякий деспотизм в значительной степени опирается на секретные службы и больше боится собственного народа, чем народов других стран». Деятельность деспотической тайной полиции, по мнению Х. Арендт, заключается в том, что она выведывает тайные мысли людей, так как «интересуется тем, что происходит в умах будущих жертв». При этом политическая полиция использует, как основной, метод провокации, поскольку в деспотических бюрократиях «одного лишь подозрения недостаточно для ареста и наказания».

Х. Арендт утверждает, что тайную полицию справедливо называют государством в государстве, причем таковым она является как при деспотизме, так и при конституционных или полуконституционных правительствах. Обладание секретной информацией дает тайным службам решающее преимущество перед другими гражданскими и политическими институтами. Тайная полиция представляет реальную угрозу многим членам правительства, поэтому способна влиять на политику, проводимую руководством страны.

Преследованию политических противников посредством органов юстиции и судов посвящена классическая работа Отто Кирчхеймера [19], о которой следует поговорить поподробнее. По мнению исследователя, политические процессы – это такие судебные процессы, в ходе проведения которых суды устраняют политических про-

тивников действующего режима согласно определенным заранее подготовленным правилам. То есть, суды используются государством в никогда не прекращающейся борьбе за политическое доминирование в обществе. Кирчхеймер отмечает, что политические деятели обладают достаточно большой властью для борьбы с оппозицией, но суды, время от времени также вовлекаются в столкновения управляющих с их политическими противниками. Кирчхеймер не уточняет, кого он подразумевает под «политическим противником». Однако речь, судя по всему, идет не о политических противниках, которые являются лояльными к господствующей общественно-политической системе, а скорее о тех, цели которых и чьи реальные или планируемые действия направлены на разрушение ее фундаментальных оснований. Таким образом, под ярлык «противник» подпадают лица, претендующие на изменение существующего режима и природы его власти. Причем, не важно, идет ли речь о «внутренних инакомыслящих» или агентах из числа иностранцев. Кроме того, по мнению Кирчхеймера, политическими противниками могут быть вполне лояльные лица из числа публики или истеблишмента, выступающие против режима не по частным, а по общественным вопросам.

Кирчхеймер указывает, что передача властями дел на рассмотрение судов увеличивает риск принятия «неудобных» решений последними, уменьшает пределы усмотрения, «сковывает» суды процедурными ограничениями и может привести к вынесению «нежелательных» приговоров. Кроме того, суды могут с подозрением относиться к чему-нибудь, умаляющему их престиж или независимость. Политические деятели могут потерять контроль над ситуацией, когда дела передают судам, а последние могут быть развращены политическим вмешательством.

Тем не менее, Кирчхеймер считает, что судебные слушания имеют преимущество для стоящих у власти политических деятелей, поскольку в судах одновременно подтверждается легитимность действий властей и ограничивается политическое воздействие на противников режима. Устраняя политических противников посредством судов, система получает юридическую «ратификацию» своих действий со стороны общества. Соглашаясь подчиняться критерию закона, власти извлекают не меньшую пользу, чем их политические противники. Суды – это своего рода «вторая линия защиты», когда первые линии – правительство и армия – являются слишком политически чувствительными или очевидно сверхпринудительными» [19, с. 15]. Особенно это проявляется в случае проведения открытых процессов, когда в зале суда осуществляется «опосредованное участие фактически неограниченной публики в разворачивании политической действительности» [19, с. 15]. Сами ограничения времени и места, предоставленные залом суда, позволяют осуществить социальную концентрацию, которая увеличивает потенциал легитимизации слушаний.

Даже тогда, когда правила в большей степени

политически «установлены» и «ищущая правду» судебная функция искажена или запрещена, а получающееся правосудие выступает простым оформлением «фасада», тонко скрывающим принудительный аппарат государства, нет полного стирания требований закона. Даже мираж правосудия, по мнению Кирчхеймера, в наивысшей степени несправедливых политических процессах может служить законности. Это связано с тем, что в обычном судебном разбирательстве существует естественная тенденция для ответчика (в гражданском процессе) или обвиняемого (в уголовном разбирательстве) представить доказательства в возможно лучшем свете, и действия судьи до некоторой степени обусловлены этим поведением.

Согласно Кирчхеймеру, именно тогда, когда приемлемая оппозиция становится опасной своей подрывной деятельностью, власть проводит судебное разбирательство и в судебном порядке выносит соответствующее решение. Он отмечает, что еще со времен Древней Греции понятие нарушений против государства оставляют в самой неопределенной форме, что позволяет понимать под политическим преступлением то, что власти считают целесообразным в конкретный момент. Проблема неопределенности и сверхшироты закона в данном случае предполагает наличие специальной цели государства, а именно: маневрировать и осуществлять усмотрение, в том числе через судебное преследование политических противников – процесса, который не обязательно противоречит правовым нормам. Кирчхеймер обращает внимание на то, что судебное преследование – всегда зависимая переменная, поскольку суд не выявляет причины политической преступности и не дает объяснение объективным политическим процессам, происходящим в обществе.

Таким образом, Кирчхеймер отделяет чисто юридическую сторону судебных процессов от политической составляющей и отмечает, что только независимость судебной системы, ее изолированность от административных органов позволяет рассматривать политические преступления исключительно в юридической плоскости, сведя до минимума всякую предвзятость в отношении обвиняемых. Однако при этом автор отдает себе отчет в том, что на практике этого не всегда удается добиться, учитывая колоссальное воздействие, оказываемое политической властью на всю систему юстиции.

Политической полиции Российской империи уделено внимание в опубликованном в 1966 году справочнике по истории государственных учреждений России XVIII-начала XX века известного немецкого ученого Эрика Амбургера [20]. Однако в нем деятельность органов политического сыска Российской империи сводится к противостоянию абстрактному «обществу». Тем не менее, в указанном издании Амбургер излагает основные факты по возникновению и деятельности Третьего отделения и Корпуса жандармов, дает краткие биографические сведения о руководителях ведомства политического сыска.

Точке зрения о том, что авторитарный режим Николая I стагнировал и перемены могли произойти лишь под воздействием внешних сил либо обстоятельств, способных подвигнуть русское чиновничество, включая полицейских чинов, направить свою деятельность к достижению новых целей, придерживается немецкий историк Ганс-Йоахим Торке [21]. В своей монографии о российском чиновничестве в правление Николая I немецкий ученый указывает на количественное разрастание имперской администрации без изменения основных свойств бюрократии. Причем в исследовании Торке особо подчеркивается отсутствие у российских бюрократов правового этоса. По его мнению, отсутствие самодовлеющей идеи государства в сознании российских чиновников позволяет им не столько служить государству (в лучшем случае они служат конкретному правителю), сколько заботиться о своих интересах и благополучии. Они, вследствие отождествления бюрократического аппарата с государством, неспособны провести различие между частной и казенной собственностью.

Немецкий ученый полагает, что перемены в государственном аппарате Российской империи произошли только в период проведения Великих реформ, когда либеральные воззрения стали проникать в центральную администрацию. Прогрессивным в целом тенденциям российского абсолютизма Торке противопоставляет косную и консервативную русскую бюрократию. Подобное видение немецкого исследователя следует связывать с тем обстоятельством, что Торке строит свое исследование на записках современников тех событий, настроенных крайне враждебно к созданной Николаем I общественно-политической системе и заклеивших ее как антидемократическую в своих не лишенных талантливости произведениях.

Дальше Г.-Й. Торке в своей характеристике на две трети дворянского российского чиновничества идет немецкий историк Л. Люиг [22]. Касаясь политических институтов царской России указанного периода, ученый уже в действиях Николая I усматривает «либеральные стремления», которые содействовали благосостоянию и развитию общественной жизни. Главная предъявляемая немецким исследователем «претензия» дворянскому обществу заключается в пассивности последнего и его нежелании идти навстречу либеральным порывам правительства Николая I.

Третье отделение упоминает в своей работе и немецкий исследователь Николаус Катцер [23], который в своем очерке о Николае I пишет о том, что именно этот российский император стал создателем централизованной тайной полиции после издания им указа о создании Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии в качестве центрального органа политического сыска. Именно оно должно было информировать царя «обо всех без исключения событиях в государстве», «о подозрительных и вредных личностях», о деятельности иностранцев в пределах Российской империи. В своей работе немецкий исследователь касается и цензурного «террора», осуществ-

вляемого Третьим отделением, а также борьбы последнего с революционными кружками, приведшей к их окончательному разгрому.

Однако Катцер приходит к выводу, что учрежденное Николаем Павловичем Третье отделение становится сколь эффективным органом надзора за обществом и государственным аппаратом, столь и противоречивым ведомством, «компетенция которого была описана весьма неопределенно». По его мнению, деятельность Третьего отделения и приданного ему Корпуса жандармов, с их вторжением в частную, общественную и государственную жизнь, негативно сказывается на судьбе российского государства и общества.

«Общество» и государственная власть, утверждает Н. Катцер, постепенно и неуклонно вступают в противоречие друг с другом. Именно это, по мнению немецкого исследователя, оказывает губительное воздействие на Россию, поскольку впоследствии приводит не только к уничтожению монархии и свержению самодержавия радикальным политическим меньшинством, опиравшимся на малочисленный революционный сегмент общества, но и к смене государственного строя, потрясению самих основ русской государственности.

Краткий анализ работ немецких авторов, посвященных органам политического сыска дореволюционной России II-III четверти XIX века, показывает, что деятельность политической полиции затрагиваемого периода вызывает большой интерес у немецких исследователей, но степень разработки указанных проблем уступает результатам исследований не только отечественных, но даже англоязычных авторов.

Тем не менее, на современном этапе намечается определенное сближение «американского» и «немецкого» подходов к изучению сущности самодержавной власти Российской империи XIX-начала XX века. Основным становится представление о России имперского периода как о равноправном участнике общемирового исторического процесса. Российские историки, обладая врожденным знанием «контекста» и чувством родной «почвы» могли бы в тесном сотрудничестве с немецко- и англоязычными авторами более объективно подойти к рассмотрению истории России XIX-XX вв., в том числе при изучении вопросов функционирования органов политического сыска, что в перспективе могло бы способствовать формированию общемировой историографии по данной проблематике.

Список литературы:

1. Wyduckel D. *Principes Legibus Solutus: eine Untersuchung zur frühmodernen Rechtsund Staatslehre.* – Berlin, 1979; Wolff H. J., Bachof O., Stober R. *Verwaltungsrecht I.* – Muenchen, 1994;
2. Maurer H. *Allgemeines Verwaltungsrecht.* 12. Aufl. – Muenchen: Beck, 1999.
3. Baeumlin R. *Der deutsche Rechtsstaat.* 3. Aufl. – Stuttgart, 1987.
4. Mohl R. *Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates.* 3. Aufl. Bd. 1-3. Tubingen, 1866; Idem. *System der Praventiv-Justiz oder Rechts-Polizei.* 3. Aufl. – Tubingen, 1866.
5. Моль Р. фон. *Наука полиции по началам юридического государства* / Пер. Р. Сементковского. Спб: Печатня В.И. Головина, 1871.
6. Гегель Г.В.Ф. *Философия права* / Пер. с нем. Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990.
7. Кант И. О поговорке: может быть это и верно в теории, но не годится для практики // Кант И. *Сочинения.* В 4-х томах. Т. 1. Трактаты и статьи. – М.: Ками, 1993.
8. Цит по: Гулыга А. *Немецкая классическая философия.* – [Электронный ресурс] – URL: <http://philosophica.ru/nem/13.htm/> (дата обращения: 04.01.2014).
9. Гумбольдт В. *Язык и философия культуры.* М.: Прогресс, 1985.
10. Брэ О. де. *Николай I и его сподвижники. (Воспоминания гр. Оттона де Брэ. 1849-1852)* // *Русская старина.* – 1902. – Т. 109. – № 1. – С. 115-139.
11. Kolbe E. *Russlands inneres Leben. Drei und dreissigjahrige Erfahrungen eines Deutschen in Russland.* Bd. 1. Leipzig, 1847.
12. Бисмарк О. *Мысли и воспоминания.* В 3-х т. / Пер. с нем. под ред. А.С. Иерусалимского. – М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 1.
13. Бисмарк Отто фон. *Воспоминания. Мемуары.* В 2-х т. М.: АСТ; Мн: Харвест, 2001. Т. 1.
14. Тун А. *История революционного движения в России* / Пер. с нем. А.Н. Черновой / Под ред. и с прим. Л.Э. Шишко. – Петроград: Тип. П.П. Сойкина, 1917.
15. См.: Кёнен Г. *Дух русской революции. Первые свидетели и интерпретаторы переворотов в царской империи* / Пер. Т. Баскаковой // *Германия и русская революция 1917-1924* / Под ред. Г. Кёнена, Л. Копелева / Пер. с нем. под ред. Я. Драбкина. М.: Памятники исторической мысли, 2004.
16. Радбрух Г. *Философия права* / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004.
17. Bramstedt E. K. *Dictatorship and political police: the technique of control by fear.* – New York: Oxford University Press, 1945.
18. Арендт Х. *Истоки тоталитаризма* / Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.
19. Kirchheimer O. *Political justice: The use of legal procedure for political ends* – Princeton: Princeton University Press, 1961.
20. Amburger E. *Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917.* – Leiden, 1966.
21. Torke H.J. *Das russische Beateum in der ersten Hafte der 19. Jahrhundert* // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte.* Bd. 13. – Berlin, 1967.
22. Luig L. *Zur Geschichte der Russischen innenministeriums under Nikolaus I.* – Wiesbaden, 1968.
23. Катцер Н. *Николай I* // *Русские цари. 1547-1917* / Пер. с нем. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – С. 397-435.

Koptelov A.O.

University of Humanities and Social Sciences (The Liberal Arts University)

POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE 1825-1880-x IN GERMAN HISTORIOGRAPHY XIX-XX CENTURIES

Summary

Research is devoted to a German historiography of political police of Russian empire in II-III quarters of XIX century which has been presented by the Third branch and the Case of gendarmes. Basic difference of «German» tradition from the approach of English-speaking authors in perception of bodies of political investigation of imperial Russia is revealed. In clause prospects of rapprochement of the «American» and «German» approaches in studying essence and character of activity of bodies of political police of autocratic Russia in XIX-beginning XX of a century also are reflected.

Key words: Russian empire, political police, Third Section of Own Its Imperial Majesty of Office, Corps of Gendarmes, political investigation, German historiography of autocracy.